

Проводив Янь Цзиня, Чжоу Ли вернулся в студию. Помощник Сяо Ян, припарковав машину, подошел к нему:

— Чжоу-гэ, на пассажирском сиденье огромная лужа, надо бы всё привести в порядок.

Чжоу Ли, сжимая в руке телефон, промолчал.

— Может, завтра отвезу в химчистку? Если поехать пораньше, успею обернуться, и вам не придется оставаться без машины... — Сяо Ян осекся и испуганно замер. — Чжоу-гэ?

Чжоу Ли холодно метнул на него взгляд, глазами приказывая немедленно убираться прочь.

На вечер были запланированы посиделки с друзьями — теми, с кем Чжоу Ли познакомился уже после прихода в шоу-бизнес. Несмотря на юный возраст, в музыкальной среде, не признанной мейнстримом, Чжоу Ли был непререкаемым авторитетом.

Все вокруг привыкли считать классическую музыку чем-то возвышенным, полагая, что истинное искусство должно обладать глубокой историей, содержанием и исполняться лишь в старинных соборах или филармониях. Эти догмы настолько укоренились в сознании людей, что любой певец, пытавшийся создать что-то в жанре поп-музыки, тут же подвергался нападкам критиков. На этом фоне и возник Чжоу Ли.

Он был ослепительно красив, обладал мощным феромоном, писал прекрасные песни... В нем было безупречно всё, если не считать того, что его музыка была недостаточно «высокой».

Вскоре Чжоу Ли стал кумиром узкого круга, его популярность росла, и он всё чаще бросал вызов авторитетам мейнстрима. Именно поэтому Мэн Чэнь ополчился на него: музыкальное сообщество Хэртэ, годами лелеявшее свою элитарность, не могло позволить существовать столь дерзкому бунтарю.

Обычно тех, кто шел против системы, быстро подавляли, и они исчезали в безвестности. Но Чжоу Ли был другим.

Музыкальная элита перед ним притихла, не смея ни критиковать, ни давить, лишь втайне молясь: пусть Чжоу Ли развлекается как хочет, лишь бы не устраивал совместных концертов. О происхождении семьи Чжоу знали немногие, и широкой публике о его корнях было неизвестно. В глазах окружающих это выглядело так, будто Чжоу Ли в одиночку противостоял всей индустрии и вышел победителем.

Он вывел музыку, годами развивавшуюся в тени, на свет, позволив каждому услышать её. Благодаря этому вокруг него сплотилась целая плеяда музыкантов. Они преклонялись перед ним, называя крестным отцом своего круга и уверяя, что без Чжоу Ли их бы просто не существовало. Они не знали о его семье, но видели, что он богат, щедр и верен слову, поэтому любили собираться у него в студии — там было всё необходимое, и, что самое важное, не было назойливых репортеров.

Когда выяснилось, что у Чжоу Ли феромон уровня супер-S, все поначалу подняли шум, обвиняя его в отсутствии товарищеской солидарности — мол, такая мощь, а он молчал! Они подшучивали, прося выпустить немного феромона, чтобы друзья могли оценить его силу. На подобные просьбы обладатель супер-S феромона неизменно отвечал ледяным безразличием.

Встреча была назначена на восемь вечера. Около семи Сяо Ян, дрожа от страха, поднялся к Чжоу Ли. Он догадывался, что семья Чжоу — это нечто серьезное, хотя и не понимал масштабов, но интуитивно чувствовал: Чжоу Ли не из тех, кто любит, когда посторонние ощущают его феромоны. Однако сказать прямо — контролируйте свои феромоны — он не осмелился, поэтому лишь робко поинтересовался, стоит ли приглашать остальных или лучше сразу отправить их в Ли Нянь.

Ли Нянь был баром, принадлежавшим Чжоу Ли. Об этом не трубили на каждом углу, но все свои знали и частенько заглядывали туда, чтобы поддержать заведение.

Чжоу Ли медленно повернул голову. Его темные глаза, подстегиваемые выбросом феромонов, давили с невероятной силой. Сяо Ян едва не лишился чувств:

— Я... я сейчас же сообщу им, чтобы не приходили!

Чжоу Ли, конечно, чувствовал запах собственного феромона. До такой степени он терял контроль впервые. Он пытался совладать с собой, но стоило закрыть глаза, как в памяти всплывал промокший Янь Цзинь.

Вот он сидит, прижавшись к ноутбуку, прикрыв глаза в попытке отдохнуть, грудь мерно вздымается при дыхании, тонкая рубашка насквозь промокла и стала прозрачной, обрисовывая хрупкую линию плеч...

Глубоко спрятанные чувства внезапно дали ростки. Чжоу Ли не мог описать это ощущение, но в итоге, лишаясь всякой логики, решил, что Янь Цзинь сам виноват — кто заставлял его столько страдать и зачем он всё это время прятался? Раньше он был таким послушным. Чжоу Ли даже не упрекнул его за то, что тот ушел, не попрощавшись, а Янь Цзинь в ответ ведет себя так безразлично и холодно.

Откуда у этого беты столько дерзости? Да и вообще, зачем бете так надрываться?

Спустя несколько дней Чжоу Ли позвонил Янь Цзиню и спросил, свободен ли он вечером. Янь Цзинь ответил, что очень занят, работает сверхурочно и вряд ли сможет. Чжоу Ли молча сбросил вызов, оставив Янь Цзиня слушать гудки.

Янь Цзинь попытался проанализировать, зачем Чжоу Ли искал встречи, но не успел — навалилась работа. Переговоры вступили в финальную стадию, и даже после возвращения

прежнего руководителя отдел внешних связей не отпустил Янь Цзиня, ссылаясь на нехватку кадров и умоляя потерпеть еще немного. Глава отдела Хэ также позвонил Янь Цзиню, пообещав награду за усердие после завершения переговоров и гарантировав, что подобные странные инциденты больше не повторятся.

Янь Цзинь понял: это обещание, что разведотдел больше не будет его беспокоить. Его заточение в палате не было оформлено официально — это оставалось внутренним конфликтом между разведотделом и отделом внешних связей. Глава Хэ не мог говорить прямо, чтобы не оставить улики, поэтому ограничился намеками. Раз уж всё было сказано на таком уровне, что мог ответить простой бета без связей? Ему пришлось согласиться.

Наконец-то дождя не было. После восьми вечера, ожидая на парковке коллегу, чтобы доехать до главной дороги, Янь Цзинь услышал автомобильный гудок. Он не придавал этому значения, глядя в телефон, как вдруг перед глазами всплыл знакомый номер.

<http://bllate.org/book/20838/2100072>